

*Бескорыстным и верным
друзьям — следователям прокуратуры
лихих девяностых посвящаю*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

Отпуск проведен бездарно.

Семин с легкой грустью смотрел через заиндевелое окно на все еще зимний пейзаж мартовского утра просыпающегося города. Завтра уже на работу, но он не чувствовал ни сил, ни бодрости.

Ему не повезло. Еще когда перед ноябрьскими праздниками в прокуратуре составляли график отпусков на следующий год, ему «посчастливилось» вытянуть жребий на январь — самое неподходящее время для отдыха. Прокурор города строго следил, чтобы подчиненные уходили в отпуск согласно графику — приказ Генпрокуратуры о том, что не менее двух третей сотрудников должно быть посто-

янно на службе, им выполнялся неукоснительно.

Неделю Семин отсыпался, отвыкал от сумасшедшего ритма работы, изредка помогал жене по хозяйству, с удовольствием возился с дочерью-пятиклассницей, сходил с ней не только в кино несколько раз, но и на спектакль, устроенный на удивление талантливым самодеятельным коллективом одной из городских школ.

После недельного отдыха дома с семьей Семин, чтобы скоротать туманные холодные дни северного края, поехал к своему другу во Владивосток. Там он любовался красотой приморского города, побывал на Русском острове и угостился дальневосточным трепангом и всевозможными деликатесами океанических глубин под великолепный уссурийский бальзам, наслаждался его терпким и приятным послевкусием.

Но влажный морской воздух не пошел ему на пользу. Семин заболел и вернулся в Якутск с воспалением легких. Полмесяца провел в больнице, а затем отлеживался до-

ма, пока не наступил конец отпуска. Он мог бы продлить каникулы, поскольку имел на руках больничный лист, но, памятуя о том, с каким нетерпением ждет его выхода напарник, чтобы так же с семьей уехать на отдых, решил не злоупотреблять созданным положением и выйти на работу.

Николай Семин вот уже десять лет трудился на следственной ниве городской прокуратуры. Недавно ему исполнилось тридцать пять лет, он жил с женой и дочерью в «хрущевке», в десяти минутах ходьбы от места службы.

В первый день работы он вышел из дома пораньше, чтобы до утренней планерки зайти к руководителю и доложить о том, что он приступает к служебным обязанностям.

Прокурор города, немногословный и строгий мужчина пятидесяти лет, молча выслушал рассказ Семина о не совсем удачно проведенном отпуске, с сожалением покачал головой, а затем вызвал напарника и приказал ему передать все дела «отдохнувшему» отпускнику.

Напарник Семина, Карякин Алексей, как и Семин, следователь по особо важным делам, был умным и дотошным специалистом в своем деле, в экстремальных ситуациях показывал себя решительным и отважным человеком.

Был случай, вызвавший большой переполох среди жителей города — появился маньяк-извращенец, который набрасывался на детей. Сыщики сбились с ног, разыскивая его. Негодяй изнасиловал ребенка в районе автовокзала, на некоторое время затаился, затем появился в прибрежном микрорайоне, где напал еще на одну девочку.

В одно утро прокурор вызвал сыщиков и следователей, работавших по этому делу, и провел совещание по обезвреживанию маньяка. Сотрудники уголовного розыска доложили ему, что во время поквартирного обхода они нашли мальчика двенадцати лет, который очень хорошо запомнил приметы преступника, и теперь собираются

составить фоторобот. Сразу после планерки Карякин, не предупредив никого и не попросив помощи у сыщиков, направился в микрорайон, где орудовал маньяк. Того мальчика-свидетеля он нашел во дворе и стал расспрашивать о приметах преступника. Во время разговора мальчик испуганно глянул мимо следователя куда-то в сторону и крикнул:

— А вот он идет, этот дядька!

Карякин, резко обернувшись, увидел проходящего мимо небритого одутловатого мужчину в кожаной куртке, схватил его мертвой хваткой и держал, пока не прибыла милиция. В те дни следователь был настоящим героем не только для уголовного розыска, но и для многих жителей города. А маньяк оказался не опустившимся пьяницей, как предполагалось, а вполне успешным коммерсантом, между делом промышлявшим охотой на детей, и, если бы на его пути не встал отважный следователь, дело могло бы закончиться трагически.

Уже в коридоре прокуратуры, счастливо улыбаясь и похлопывая своего друга по спине, Карякин посетовал:

— Нынче с преступлениями завал. За то время, пока ты отдыхал, в мое производство поступило пять неочевидных убийств...

— Фью-ю-ють! Это только с начала года, а сколько еще было в прошлые годы! — от удивления присвистнул Семин. — Вот уж удружил так удружил! Когда такое было? Что, совсем глухие, никакого просвета?

— Сыщики работают днями и ночами, — совестливо отозвался Карякин, очевидно, сам понимая, что за два месяца пять «глухарей» — это перебор. — И я с ними кручусь-верчусь, продыху не дают. Пойдем ко мне в кабинет, все подробно расскажу.

В кабинете у Карякина сидела и копалась в ворохе документов девушка, делая оттуда выписки в свой блокнот.

— Лика практикуется у нас, она студентка юридического института, — представил Карякин девушку. — Мечтает стать проку-

рорским работником, а точнее, следователем.

Девушка смущенно улыbnулась и спросила:

— Алексей Сергеевич, вам налить чаю?

— Если можно, — кивнул Карякин. — Мы тут с Николаем Ивановичем сядем надолго. Кстати, если у тебя есть желание, мы не против, чтобы ты присутствовала во время нашего разговора. Это будет очень полезно для твоей практики.

— Ой, конечно! — Девушка вскочила с места и направилась к столику с чайником. — Я из дома принесла пирожные, сейчас угощу вас.

Когда чай был уже разлит, а на блюдечках ждали своего часа домашние пирожные, Карякин, жестом пригласив Лиду присесть рядом за стол, вынул из ящика стола пять уголовных дел. Семин опытным глазом сразу отметил, что среди этих дел своей объемистостью выделяется одно, которое, как и ожидалось, Карякин взял в руки в первую очередь.

— Вот, убийство Куклова Максима Генриховича.

С этими словами он положил уголовное дело на стол перед Семиным. Тот взял папку и взвесил ее в руках, выборочно прошелся по страницам и спросил:

— Совершенно «глухарь»?

— В том-то и дело, что нет, — вздохнул Карякин. — Человек там арестован, сейчас находится в следственном изоляторе, но за другое преступление.

— Не понял. — Семин вопросительно посмотрел на напарника. — За что его тогда посадили?

Лица, в предвкушении увлекательного рассказа, с интересом глянула на Карякина и приготовилась делать записи в своем блокноте.

— Дело было так, — начал Карякин. — Куклов является директором крупного предприятия. В его распоряжении персональная автомашина «Волга» с водителем. Вот этого водителя и посадили...

— За что, если не за убийство? — нетерпеливо воскликнул Семин. — За какие грехи?

— За кражу, — проронил Карякин и, увидев недоуменные лица своих собеседников, продолжил: — После новогодних праздников, когда началась первая рабочая неделя, Куклов был обнаружен в своей квартире с тремя проникающими ножевыми ранениями в области грудной клетки. Обнаружил его как раз водитель по фамилии Жмыхов. В тот день Жмыхов привез Куклова на обед домой, а сам отправился закусить в столовую. После обеда водитель вернулся и стал ждать Куклова во дворе дома. Прождав минут сорок, с его слов, он поднялся к директору в квартиру и обнаружил его убитым...

— А при чем тут кража? — пожал плечами Семин. — Жмыхов же подозревается в убийстве? Какие у нас имеются доказательства?

— Действительно, какие? — невольно вырвалось из уст Лики, и девушка смущен-